

**ἈΣΑΦΕΙΑ:
ТРАДИЦИЯ АНТИЧНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ
«КАТЕГОРИЙ» АРИСТОТЕЛЯ И ПРОПЕДЕВТИКА
СИМПЛИКИЯ**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с античной комментаторской традицией по отношению к «Категориям» Аристотеля на примере подхода неоплатоника Симпликия. Выявляются дидактические и пропедевтические аспекты Симпликия в подходе к тексту «Категорий», рассматриваются причины труднодоступности, семантической *темноты* (*ἀσάφεια*) работ Аристотеля в контексте традиционных техник «вуалирования» (*παρὰπετάσματος*), т.е. намеренного создания автором смысловых преград в тексте. Рассматриваются различные техники *ἀσάφεια*. Выявляется логика размещения «Категорий» в *Corpus Aristotelicum*. Анализ затрагивает, главным образом, тексты, еще не переведенные на русский язык.

Ключевые слова: «Категории» Аристотеля, Симпликий, комментарий, семантическая темнота, *ἀσάφεια*, ясность.

**ἈΣΑΦΕΙΑ:
ANCIENT COMMENTARIES ON ARISTOTLE
«CATEGORIES» AND SIMPLICIUS' PROPAEDEUTICS**

Abstract

The article deals with the issues related to the ancient tradition of commentaries on Aristotle's «Categories». This paper describes the initial approach to the subject, developed by the neoplatonic philosopher Simplicius, whose didactic and propaedeutic aspects towards the «Categories» are revealed. The paper describing the context of traditional «veiling» techniques (*παρὰπετάσματος*), i.e. the deliberate formation of the author of the text semantic barriers to a reader, has shed some light on the problem of vagueness and semantic darkness (*ἀσάφεια*) of Aristotle's works.

Keywords: categories, Aristotle, Simplicius, commentary, semantic darkness, ἀσάφεια, clarity.

Включаясь в работу в рамках 2400-летнего юбилея, посвященного Аристотелю и дню Греции в России (а труды Аристотеля – это непреходящее наследие Греции), прежде всего, необходимо поставить вопрос: насколько хорошо мы понимаем идеи Стагирита? Интересны ли те тропы мысли, вопросы и решения, предлагавшиеся Аристотелем, с точки зрения их содержания, или же только в силу музейной древности, традиции, старины? Другой круг вопросов, безусловно, связан с тем способом, с которым мы вступаем в дискуссию с Аристотелем, изучаем его труды, теории, комментарии. Правильно ли мы читаем великого классика? Удастся ли нам привить любовь к аристотелевскому тексту и, как следствие, к теоретическому наследию античности, студентам, учащимся и всем, кто вовлечен в тернистый путь антиковедения?

Одна из главных трудностей при чтении работ Аристотеля, безусловно, связана с *семантической труднодоступностью* его ключевых текстов, прежде всего, «Κατηγορίαι», «Περὶ Ἑρμηνείας», «Ἀναλυτικά Πρότερα», «Ἀναλυτικά Ὑστερα», «Φυσικὴ ἀκρόασις», «Μετὰ Τὰ Φυσικά» и т.д. Эту недоступность для понимания или даже, *темноту*, на наш взгляд, не стоит связывать только с той огромной культурно-языковой и смысловой 2400-летней дистанцией между современным читателем и автором. Уже древние писатели, носители классического аттического древнегреческого языка, отмечали трудности при толковании аристотелевского корпуса, семантическую, смысловую тернистость чтения некоторых книг Стагирита. В данной статье мы рассмотрим те способы объяснения *темноты* (ἀσάφεια) текстов Аристотеля, которые предлагались античными комментаторами на примере работ Симпликия, одного из участников платоновской Академии во время ее последнего схоларха, Дамаския.

Оценивая объем корпуса античных источников, посвященных Аристотелю, следует отметить, что это самый большой массив древнегреческих текстов, дошедший до нас. Самыми ранними комментариями текстов Стагирита, известными нам, являются работы перипатетиков конца II-го, нач. III-го вв. н.э. Эти тексты

связаны с деятельностью Александра Афродисийского, занимавшего кафедру перипатетической школы между 198 и 209 годами [Sorabji 1990: 1].

Интерес античных исследователей первых веков нашей эры концентрировался преимущественно на тексте «Категорий». Именно эта книга выступала «междисциплинарным драйвером», провоцирующим представителей различных кафедр, – стоической, перипатетической, платонической, – выдвигать идеи, комментировать традицию, вступать в дискуссии [Sorabji 1990: 1].

Древние авторы представляли себе наследие Аристотеля в виде линейного лабиринта, последовательного здания-колоннады, где каждое последующее помещение может быть достигнуто *только из предыдущего*. Концептуальным «входом» в здание аристотелевской мысли или, говоря технически, началом «порядка чтения» аристотелевских книг выступали «Категории». Современный читатель, как правило, не уделяет этому порядку достаточно внимания, беря с библиотечной полки ту или иную книгу Аристотеля в произвольном порядке, согласно своим текущим интересам. Однако, как отмечают некоторые исследователи, древнегреческие перипатетики были *шокированы*, узнав о том, что после первых переводов Аристотеля на латинский язык среди римских ученых круга Амвросия и Августина появилась традиция *произвольного* изучения книг Стагирита, т.е. изучения без какого бы то ни было порядка. Этот подход для ранних греческих приверженцев Аристотеля был принципиально недопустимым, поскольку «здание» аристотелевской мысли имело официальный, закрепленный традицией «вход» в виде «Категорий», книги, ориентирующей читателя в концептуальной сетке логики последующих «Аналитик», в целом, всего «Органона», «Первой философии» и «Физики». Хаотично-беспорядочное чтение книг Аристотеля в круге Амвросия и Августина было прямым антиподом последовательного *восхождения* к аристотелевским текстам в Афинской школе во времена Прокла. [Sorabji 1990: 6]. Таким образом, не изучая «Категории», проникнуть в смысл аристотелевского наследия невозможно. Это понимание будет неполным, ограниченным, ущербным.

Симпликий отмечает принципиальное значение текста «Категорий» для всего аристотелевского корпуса. Эта книга, по его мнению, настолько важна, что ее отсутствие неминуемо привело бы к тому, что вся философия Аристотеля превратилась бы в *анархию* и *бесзначалие*: *πρὸς δὲ τούτοις μὴ τούτου προγραφέντος τῷ Ἀριστοτέλει τοῦ βιβλίου ἀναρχος ἂν ἦν καὶ ἀκέφαλος καὶ πᾶσα μὲν ἡ Ἀριστοτέλους φιλοσοφία, ἐξαιρέτως δὲ ἡ λογικὴ πραγματεία.* [Simplicius 1907: 18]. Причем, прилагательные *ἀναρχος* и *ἀκέφαλος* относятся не только к философии, но и к логике.

В данном пассаже Симпликия интересен не только радикальный ракурс связи «Категорий» и *головы, κεφαλή*, начала *ἀρχή*, но и использование термина *προγραφέντος* – он указывает на то, что «Категории» не просто написаны, но написаны *изначально*, прежде всего. *Προγραφέντος* здесь от глагола *προγράφω* (*писать прежде, до*). Этим доводом Симпликий снимает вопрос о мнимой атрибуции «Категорий», дополняя свой тезис целым рядом аргументов, задействованных в перипатетических и неоплатонических дискуссиях эллинистической эпохи.

Рассматривая вопрос о том, почему некоторые тексты Аристотеля, включая «Категории», являются столь труднодоступными для понимания, Симпликий, упоминая, что, как в пифагорейских школах, афинской Академии, так и среди перипатетиков применялись особые техники «вуалирования» текста. Симпликий объясняет сложность текстов Стагирита *намеренным* созданием автором смысловых препятствий (*παραπετάσματος*) для читателя: *οὐ μὴν οὐδὲ μύθοις οὐδὲ συμβολικοῖς αἰνίγμασιν, ὡς τῶν πρὸ αὐτοῦ τινες, Ἀριστοτέλης ἐχρήσατο, ἀλλ' ἀντὶ παντὸς ἄλλου παραπετάσματος τὴν ἀσάφειαν προετίμησεν.* [Simplicius 1907: 6]. Таким образом, предшественники Аристотеля часто скрывали свою мысль под вуалированием – некоторые использовали мифы, иные – символику тайн, а Аристотель предпочитал *темноту* изложения всем другим формам вуалирования.

Возникает вопрос, что это за «темнота», которую автор сознательно вводит в свой текст? Сразу же следует отметить, что в «Поэтике», Аристотель, характеризуя качества речи, утверждает, что главное ее достоинство это *ясность*: *λέξεως δὲ ἀρετὴ σαφῆ καὶ μὴ ταπεινὴν εἶναι* (1458a), *σαφής* здесь от – *σαφή*. Это означает, с

одной стороны, что Аристотель воспринимает всякую *темноту* текста как нечто недостойное, даже низкое (*ταπεινή*). С другой, сам намеренно использует семантическую туманность в своих ключевых текстах. См. подробнее о варваризмах и энигматизме в языке греческой художественной литературы [Tissi 2013: 199-207].

Чем же обусловлена *сознательная* неясность ряда книг Аристотеля? Рассматривая семантические и художественные деформации текста, не приемлемые, по мнению Стагирита, он упоминает в их числе *загадку* (доминирование метафор), и *варваризм*, где доминируют *гlossы*. Аристотель, впрочем, в отличие от Платона и пифагорейцев, не использует мифы и метафоры, а также, в отличие от раннехристианских писателей времен *κοινή*, не использует *гlossы*, *гебраизмы*, и другие заимствованные термины из негреческого языка.

Симпликий, ссылаясь на древних философов, отвечает на наш вопрос о причинах семантической темноты Стагирита: *τῶν γὰρ παλαιότερων νομιζόντων μὴ δεῖν καὶ τοῖς σκοτοτόμοις τὴν ἑαυτῶν σοφίαν προτιθέναι εἰς πάρεργον ἀντίληψιν διὰ τὴν προφαινομένην σαφήνειαν οἱ μὲν μύθοις, οἱ δὲ συμβόλοις αὐτὴν ἐπέκρυσαν ὡς τοῖς παραπετάσμασιν τὰ ἀπορρητότερα τῶν ἱερῶν* [Simplicius 1907: 18], т.е. они «не должны делать свою мудрость ясной и доступной для поверхностного понимания кожевенников (сапожников), в силу чего некоторые авторы скрывали мудрость в мифах, другие в символах, подобно тому, как святыни в храмах завешены шторами». Таким образом, как за *шторами* скрывают священное в храмах – *ὡς τοῖς παραπετάσμασιν τὰ ἀπορρητότερα τῶν ἱερῶν*, так писатели сознательно ввергают свой текст в темноту, требующую усилий для понимания всех, приобщающихся к тексту. Ключевой термин здесь – это понятие *вуалирования* – *παραπέτασματος*, термин, образованный от *παραπέτασμα* (то, что растянуто, положено *перед* предметом, в том числе и экран, штора, вуаль). Так, у Геродота мы встречаем *παραπέτασματα ποικίλα* (Hdt.9.82) без какой бы то ни было метафоры, у Платона в «Протагоре» мы видим указание на *ταῖς τέχναις ταύταις παραπετάσμασιν ἐχρήσαντο*, – техники *вуалирования*, среди которых упоминается поэзия, прорицания, музыка и даже гимнастика (Pl.Prt.316e). См. об этом также

[Collins 2015: 152]. Таким образом, Симпликий утверждает, что Аристотель, при написании ряда трудов, использовал техники семантического затемнения, – *ἀσάφεια*.

Однако, возникает вопрос, от кого необходимо скрывать священное знание, как сакральные реликвии в храме Аполлона? Здесь античные авторы расходятся в своих выводах. В упоминавшемся фрагменте платоновского «Протагора» говорится о «властителях городов», от которых софисты обычно должны скрывать свое знание. У Симпликия мы видим обратный вектор. В приведенном пассаже Симпликия мы встречаем профанный образ грубого ремесленника – мастера *кожевенника* или же сапожника – *σκῦτότομος*.

Итак, Аристотель не стал «прятать» смысл за мифами – мифы неопределённые (*ἀόριστον*) и понимаются каждым по своему. Как пишет Симпликий: *Ἀριστοτέλης δὲ τὴν ἀσάφειαν προετίμησεν, ἴσως μὲν καὶ τὴν ἀόριστον τῶν μύθων καὶ τῶν συμβόλων ὑπόνοιαν παραιτησάμενος (ῥαδίως γὰρ ἄλλος ἄλλως ἐκδέχεσθαι δύναται τὰ τοιαῦτα), ἴσως δὲ καὶ γυμναστικωτέραν εἰς ἀγχίνοιαν ὑπολαμβάνων τὴν τοιαύτην ἀσάφειαν.* [Simplicius 1907: 6], «Аристотель, в свою очередь, предпочел темноту смысла, поскольку он не стал использовать смысловую неопределенность мифов или символов, – их каждый может понять по-разному, а также, поскольку эта темнота является лучшим упражнением для способных к пониманию». Интересно использование термина *γυμναστικωτέρον* как тернистого пути интеллектуального упражнения в преодолении трудностей интерпретации. Семантическая неопределённость мифа заключается в его беспредельности, неограниченности, открытости для толкования. Здесь Симпликий использует термин *ἀόριστος*, – безграничный, неопределенный. Таким образом, мифическая *ἀσάφεια* для Аристотеля неприемлема, поскольку непредсказуема, она дезориентирует читателя, либерализируя понимание текста на разный лад, в зависимости от его интеллектуального уровня. Парадокс в том, что мифо-образное изложение предмета имеет обратный результат от задуманного – *облегчает* восприятие материала для поверхностных умов (*ῥαθύμοις*), делая текст доступным, пусть и в неадекватной форме. В то время, как Аристотель ставит себе другую задачу, – организовать текст так,

чтобы он был *труден* для потенциального читателя. Аристотель сознательно повысил коэффициент семантической трудоемкости текста (грамматически, синтаксически), сделав его вызовом для всякого, кто к нему прибегает без «серьезных намерений» и навыков.

В отношении тех, кто *может* понять текст корректно, Симпликий использует понятие *ἀγχίνοια*, от *ἀνχίνοος* качество, характеризующее «готовность ума», *проницательность*. Ее противоположность описывается термином *ῥαθύμοις* – «легкомысленные»: *ἔδρασεν δὲ ὁμῶς ὅπερ ἐβούλετο, τοῖς ῥαθύμοις οὐδὲ τὴν μυθικὴν ψυχαγωγίαν προτείνειν...* Таким образом, как пишет Симпликий, Аристотель не стал вручать легкомысленным даже «мифического наставления» *μυθικὴν ψυχαγωγίαν*. Здесь *ψυχαγωγίαν* – это accusativus женского рода от чрезвычайно емкого древнегреческого существительного *ψυχαγωγία*, которое может быть переведено, как «руководство», «наставление», буквально «душе-вождение». Симпликий пишет, что Аристотель не снабдил свои тексты «наставлением» – *ψυχαγωγίαν*.

Следует указать, что данный термин имеет очень давнюю античную риторическую и, в целом, литературную традицию. «Это понятие мы часто встречаем в античных текстах – у Платона, Плутарха, даже в музыкальных трактатах Аристоксена. Термин психогогия не случайно семантически объединяет наслаждение с искусством *руководства душами*. Прежде всего, *ψυχαγωγία* – это *τέχνη*, т.е. набор приемов, семантических и психологических инструментов, техник. С одной стороны, *ψυχαγωγία* – это следствие контакта с некоторым желанным предметом вождения, либо привычки, т.е. состояние, близкое наслаждению и развлечению. Так, у Полибия *ἡ ψυχαγωγία ἢ περὶ τὰ κυνηγέσια* – «развлечение доставляемое охотой». У Климента Александрийского в «Строматах» психогогия отражена в ином, воспитательно-духовном ракурсе: *ἀξιόπιστος δὲ ἡ τοιαύτη ψυχαγωγία*, «а доверие есть необходимое условие для дальнейшего воспитания душ» [Гарин 2014: 52]. «Таким образом, семантика *ψυχαγωγία* концентрирует сущность ранней античной риторики, отражая весь арсенал ратора, писателя от вербального

воздействия, до скрытой прагматики управления» [Гарин 2014: 52].

Что все вышесказанное означает для темы данного исследования? Во-первых, Аристотель, сознательно усложнил то, что бы мы назвали *психегогическим* компонентом текста. Тексты Аристотеля, в той или иной степени, намеренно дезориентируют читателя, затрудняя смысловое движение, прежде всего для *ῥαθύμοις*. Стагирит так отяготил свой текст, чтобы не дать его в руки «легкомысленным» читателям. Здесь мы видим своеобразную семантическую самозащиту сакрального текста от профанного вторжения. С другой стороны, Аристотель инкорпорировал все эти средства *смысловой темноты* – *ἀσάφεια* для целей упражнения *ῥυμναστικοτέρον* ума для избранных.

Следует отметить, что похожую тональность защиты аристократизма знания развивает Цицерон в «De Inventio», где он полагает, что знание и умение пользоваться искусством слова людьми аморальными, поверхностными, приносит государству «больше вреда, чем пользы» [Цицерон 1994:52]. Таким образом, *опасность* знания заключается в том, что оно является оружием и «неразумные», «легкомысленные», могут обратить его во зло.

Литература

1. Collins J. H. Exhortations to Philosophy: The Protreptics of Plato, Isocrates, and Aristotle. – Oxford, 2015.
2. Commentaria in Aristotelem Graeca. – Volume 8. – Berlin: Reimer, 1907.
3. Sorabji R. Aristotle Transformed: The Ancient Commentators and Their Influence. – Cornell University Press, 1990.
4. Tissi L. M. Late Antique Oracles: Samples Of Ασάφεια Or Σαφηνεία? // Poetic Language And Religion In Greece And Rome. – Cambridge Scholars Publishing, 2013.
5. Гарин С. Περὶ τοῦ καίρου: Горгий и ранняя сицилийская риторика // Lingua mobilis: научный журнал. – № 49, 2014.
6. Цицерон. Эстетика трактаты письма. – М. 1994.